

Колочкова О. В.

**СЕМАНТИЧЕСКОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ КАК ДОКАЗАТЕЛЬСТВО ОТСУТСТВИЯ
"ПЕРЕХОДА" СЛОВА ИЗ ОДНОЙ ЧАСТИ РЕЧИ В ДРУГУЮ**

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2008/2-3/32.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2012. № 2 (9): в 3-х ч. Ч. III. С. 75-77. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2008/2-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

Русское «отрада», согласно данным этимологического словаря, восходит к слову «радость», которое, в свою очередь, являясь базовой лексемой, образовано от слова «рад», встречающегося в славянских языках: украинский *rádiy, rad*; белорусский *rad*; древнерусский, старославянский *radъ*; сербохорватский *rád, ráda, rádo* «охотный»; словенский *rád, ráda* «рад», «охотный»; чешский *rád*; словацкий *rád*, верхнелужицкий, нижнелужицкий *rad*. Предполагают родство с англосаксонским *gót* «радостный», «благородный», древнеисландским *gótask* «проясняться» «веселить», англосаксонским *gótu* «радость» (2: 408).

Современное значение «отрада» (высок.) - удовольствие, радость. - Дети - наша отрада.

Следовательно, сопоставляемые синонимы «transport», «apture», «ликование», «отрада» не являются этимологически родственными словами. Небольшое сходство можно увидеть в их значении «выражение восторга посредством ликования». То есть, это внешнее выражение радости в виде восторга посредством определённых действий человека, связанное с организацией праздника.

Список использованной литературы

1. **Краткий латинско-русский словарь.** - М.: Гос. издательство иностранных и национальных словарей, 1941. - 671 с.

2. **Фасмер М.** Этимологический словарь русского языка: в 4 т. - СПб.: Терра-Азбука, 1996. - Т. 3. - 864 с.

3. **The Concise Oxford Dictionary of English Etymology.** - Oxford University Press, 1996. - 546 p.

СЕМАНТИЧЕСКОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ КАК ДОКАЗАТЕЛЬСТВО ОТСУТСТВИЯ «ПЕРЕХОДА» СЛОВА ИЗ ОДНОЙ ЧАСТИ РЕЧИ В ДРУГУЮ

Колочкова О. В.

Казанский государственный университет

Что происходит в тот момент, когда человек, носитель языка начинает воспринимать давно известное ему слово «по-новому», в ином статусе? Большинство исследователей полагает, что слово **переходит** из одной части речи в другую. Однако в оценке этого явления можно обнаружить серьёзные расхождения у целого ряда лингвистов, занимавшихся (и занимающихся) данной проблемой. Налицо также и тот факт, что многообразие и неоднородность явлений, имеющих отношение к так называемому «переходу» из одной части речи в другую, способствовали образованию разноречивой терминологии вокруг этого понятия:

► **взаимодействие** (самый широкий термин, включающий в себя все те языковые явления, которые нельзя отнести к качественно и количественно определённым категориям) / **взаимопереход** (Но здесь стоит иметь в виду, что если имя существительное, например, способно «переходить» в наречие, то это вовсе не значит, что в языке допустим и обратный процесс. Как правило, учёные, использующие термин «взаимопереход», говорят (в широком смысле) о том, что вся система языка пронизана подобными процессами.) / **переход** / **переходность** / **транспозиция частей речи**; причём:

▪ некоторые учёные отождествляют эти понятия (А. С. Пешковский). Более того, автор «Русского синтаксиса в научном освещении» выдвигает ещё такой термин, как «замена» [Пешковский 1956: 386], - употребление одной части речи в смысле другой, но граница, которую он намечает между «заменой» и собственно «переходностью», очень зыбкая (в качестве примеров обоих процессов (!) он приводит субстантивированные прилагательные).

Однако следует отдать А. С. Пешковскому должное в том плане, что он впервые в русской грамматике достаточно глубоко исследовал такие языковые единицы, которые невозможно однозначно отнести к той или иной части речи. Позже А. А. Шахматов стал рассматривать их в диахронном плане, относя образование контаминированных единиц к процессам, происходящим в течение длительного периода развития языка [Шахматов 1957: 202];

▪ другие выделяют здесь гиперо-гипонимические отношения:

а) А. С. Бедняков: «переходность» как способность к переходу и сам процесс «перехода» [Бедняков 1941: 29];

б) Л. В. Бортэ: «транспозиция» как начальная стадия «переходности» [Бортэ 1977: 54];

▪ третьи (А. Я. Баудер) дифференцируют их как способность языковых единиц к структурному и семантическому преобразованию («переходность») и сам процесс преобразования дифференциальных признаков языковой единицы одного класса и приобретение этой единицей дифференциальных признаков другого класса (собственно «переход») [Баудер 1967: 15];

► **трансформация** (В. Г. Мигирин). Автор этого термина пишет о том, что трансформация на уровне частей речи разложима на элементарные процессы, представляющие собой:

а) «эллипсис» (утрата морфологического признака);

б) «интерпозицию» (введение в комплекс дифференциальных признаков части речи нового морфологического признака);

с) «субституцию» (замена одного из признаков другим) [Мигирин 1971: 18];

► **конверсия** (А. И. Смирницкий) - «переход» слова из одной части речи в другую, где в качестве словообразовательного средства выступает морфологическая парадигма [Смирницкий 1956: 42]. Однако здесь следует обратить внимание на такие факты, как:

▪ при конверсии наблюдается лишь внешнее совпадение определённых словоформ разных частей речи (омоформы), следовательно, это явление не имеет ничего общего с «переходностью» как диахронным процессом;

▪ конверсия свойственна скорее языкам аналитического типа, чем русскому (как языку синтетическому);

▪ хотя образования типа *течь* (глагол) - *течь* (имя существительное) и можно с некоторыми оговорками подвести под конверсию, но в современном русском языке данный способ словообразования совершенно непродуктивен;

► **лексико-грамматическая субституция** (М. Ф. Лукин) - образование словоформами тех или иных частей речи своих вторичных форм и более или менее регулярное использование в качестве субститутов заместителей потенциальных словоформ других частей речи: «При субституции неизбежно приходится иметь дело со словами-двойниками» [Лукин 1982: 79].

Как нетрудно заметить из данного определения субституции, между ним и традиционным пониманием процесса «перехода» нет принципиальной разницы. М. Ф. Лукин пишет: «Языковая практика показывает, что субституция - взаимодействие разных словообразовательных способов» [Лукин 1982: 80], настаивая на том, что его трактовка взаимодействия языковых элементов более всеохватывающая, чем область понятия «переход». Но, на наш взгляд, эта трактовка очень похожа на понимание А. С. Бедняковым явления «переходности», - таким образом, здесь спор ведётся главным образом на терминологическом уровне, а не касается сущности исследуемого нами процесса.

Очень часто в русском языкознании вопросы, связанные с «переходом» из одной части речи в другую, рассматривались в рамках морфолого-синтаксического способа словообразования (то есть акт деривации всё же признавался), который заключается в изменении категориального значения, сопровождающемся различием в морфологической парадигме и синтаксической функции. Однако при вышеописанном подходе к проблеме:

⇒ из поля зрения учёных ускользает собственно словообразовательный аспект: момент отношения мотивирующего и мотивированного элементов;

⇒ учитывается форма слова и её соответствие синтаксической функции, но упускается содержательная структура производных.

Другая не менее частотная точка зрения на это явление - «переход из одной части речи в другую» как процесс лексико-семантического словообразования, в результате которого образуются не омонимы, а синонимы (!) - новые значения у одной и той же грамматической формы. Однако те лингвисты, которые так считают, забывают об определении синонимов, которое можно найти в любом толковом словаре: «Синонимы - слова, **различающиеся** своей звуковой оболочкой, но сходные (реже - тождественные) по своей семантике».

«Компромисс» между этими позициями пытается найти М. Ф. Лукин. Как уже отмечалось выше, он предполагает, что «переход» есть «взаимодействие» лексико-семантического и морфолого-синтаксического способов словообразования, причём взаимодействие это не является равномерным: на первом этапе заметно преобладание лексико-семантического процесса, на заключительном - морфолого-синтаксического, а синонимия со временем переходит в омонимию» [Лукин 1973: 14]. Однако очевидно: М. Ф. Лукин говорит о взаимодействии не способов словообразования как таковых, а лишь о неразрывном единстве лексического, грамматического и синтаксического аспектов в описываемом процессе.

Таким образом, нетрудно обнаружить, что взгляды языковедов на взаимосвязь и разграничение транспозиции и словообразования неоднозначны. Поэтому, несмотря на многочисленные исследования, этот вопрос до сих пор остаётся открытым. Сама внутренняя форма слова «переход» противоречит тому смыслу, который в него вкладывает большинство учёных. Следовательно, говорить о «переходе» если не нельзя, то, по крайней мере, некорректно. Очевидно, в результате наблюдаемого нами процесса образуется **новое слово** (просто без участия какого-либо материально выраженного показателя).

В этом отношении наиболее чётко аргументированной, недвусмысленной и логичной представляется нам точка зрения профессора В. М. Маркова, отстаивающего корреляцию в языке морфемного и безморфемного способов словообразования: «Семантическое словообразование, как известно, осуществляется путём включения слова в иной лексический разряд, в результате чего образуются омонимы» [Марков 1981: 15]. Несомненно, в тот момент, как только произошло переосмысление, перед нами - отдельное слово, несмотря на то, что связи со словом-производителем могут быть очень тесными: «...пока любое вновь образованное слово не отстоялось в своей изолированности, пока оно не испытало того, что принято называть деэтимологизацией, оно находится в очевидной семантической связи со словом-основой, будучи при этом отдельным, самостоятельным словом» [Марков 1981: 17].

Каков же механизм отпочкования производного слова? Количественное накопление ассоциаций - качественный «скачок». Но, прежде чем это произойдёт, слово, образованное семантически, должно пережить, по словам профессора Маркова, «стадию окказиональности» [Марков 1981: 17], после которой последует постановка его в иной лексический разряд.

Данный процесс очень похож на процесс рождения нового цвета. Перед нами - белая краска. Добавив в неё немного красного, получим вначале какой-то непонятный оттенок светло-бурого. Тщательно размешав, получим розовый. Постепенно выливаем в имеющийся розовый цвет всю оставшуюся красную краску, и

перед нами - качественно иной цвет, обыкновенный красный, поглотивший все признаки розового. Заметим, что, в случае с цветом, никому не придёт в голову считать конечный красный цвет каким бы то ни было родственником белого - цветом, получившимся в результате «перехода». Это - совершенно новый, отдельный, самостоятельный цвет.

И точно так же, как розовый может быть то более похожим на белый, то на красный, так и новообразованная языковая единица может по-разному ощущаться носителями языка: то ближе к своему производящему, то дальше от него: «Устойчивость нового употребления обуславливает процесс адаптации, процесс включения данных форм в новую систему, обеспечивает грамматическое их приспособление к новому пониманию и к новым условиям использования» [Тихомирова 1973: 85].

Список использованной литературы

1. **Баудер А. Я.** Явления переходности в грамматическом строе современного русского языка и смежные явления // Материалы по русско-славянскому языкознанию: Сб. ст. / Отв. ред. проф. В. И. Собинникова. - Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1967. - III. - С. 13-19.
2. **Бедняков А. С.** Явления переходности грамматических категорий в современном русском языке // РЯШ. - М.: Учпедгиз, 1941. - № 3. - С. 28-31.
3. **Бортэ Л. В.** Глубина взаимодействия частей речи в современном русском языке / Под ред. к.ф.н. Н. И. Мигириной. - Кишинёв: Штиинца, 1977. - 108 с.
4. **Лукин М. Ф.** Переход частей речи или их субституция? // ФН: НДВШ. - М.: Высш. шк., 1982. - № 2. - С. 78-80.
5. **Лукин М. Ф.** Трансформация частей речи в современном русском языке: Уч. пособ. - Донецк, 1973. - 100 с.
6. **Марков В. М.** О семантическом способе словообразования в русском языке. - Ижевск, 1981. - 29 с.
7. **Мигирин В. Н.** Очерки по теории процессов переходности в русском языке: Уч. пособ. для студ. - Бельцы, 1971. - 199 с.
8. **Пешковский А. М.** Русский синтаксис в научном освещении / Предисл. проф. А. Б. Шапиро. - 7-е изд. - М.: Учпедгиз, 1956. - 511 с.
9. **Смирницкий А. И.** Аналитические формы // ВЯ. - М.: Изд-во АН СССР, 1956. - № 2. - С. 41-52.
10. **Тихомирова Т. С.** К вопросу о переходности частей речи // ФН: НДВШ. - М.: Высш. шк., 1973. - № 5. - С. 78-87.
11. **Шахматов А. А.** Историческая морфология русского языка. - М.: Учпедгиз, 1957. - 400 с.

ПОВТОР КАК РЕЧЕВОЕ СРЕДСТВО ГАРМОНИЗАЦИИ ДИСКУРСА УРОКА

Комарова О. Г.

Коломенский государственный педагогический институт

В арсенале риторических средств, разработанных еще древней общей риторикой, выделяется повтор как средство, обладающее особыми функциями и имеющее важное значение для построения речи.

В современных общих лингвоэтологических исследованиях рассматриваются функции и виды повтора в живом речевом взаимодействии. Идентифицировано четыре основных функции повтора: 1) производство речи (создание и поддержание беседы), 2) обеспечение понимания, 3) обеспечение взаимодействия, 4) связующая функция. Единство этих 4 функций образует «сверхфункцию», способствующую согласованности и межличностному вовлечению [Tannen 1989]. Согласованность, или когерентность, можно понимать как гармонию речевого общения [Михальская, Комарова 2002]. Тогда именно функцию гармонизации можно назвать важнейшей функцией - «сверхфункцией» - повтора. Мы предположили, что все названные функции будут актуальны и для дискурса педагогического. С этой целью нами была предпринята попытка исследования особенностей функционирования повтора в реальном речевом взаимодействии на уроке. Материалом для лингвориторического анализа послужили аудио- и видеозаписи 14 дискурсов уроков по разным учебным предметам, сделанные нами в школах г. Коломны и Москвы с 2001 по 2006 год, общей продолжительностью 630 минут.

Кратко охарактеризуем каждую из указанных 4 функций повтора и посмотрим, как они специфицируются в педагогическом дискурсе урока и гармонизируют его.

1. Функция производства. Повторы дают «материал» для производства и поддержания беседы. Они позволяют сделать речь более эффективной, более живой и беглой, так как экономится энергия и время на поиск или создание новых форм, формулировок [Tannen 1989]. Повтор «производит» и гармонизирует речевое взаимодействие и в дискурсе урока. Особенно это хорошо видно на уровне речевого цикла, в котором повтор, выполняя функцию «обратной связи», достраивает и создает 3-хчастную циклическую структуру. **Пример (1а)** (из урока геометрии, 2-й класс): *Учитель: «Как ты нашел эти 7 сантиметров? [7 см - это длина линии - О.К.]» - Ученик: «Измерил линейкой» - Учитель: «Измерил линейкой (1-й речевой цикл) // А если бы у тебя не было линейки, а только те данные, которые даны в условии? Сережа!» - Ученик: «Мы бы к 4 прибавили 3» - Учитель: «Конечно. К 4 прибавили 3» (2-й речевой цикл).* Забавно, что во 2-м речевом цикле в реплике учителя есть случай ошибочного использования повтора, приводящий к речевой избыточности, - повтор однокоренных слов «данные даны» (тавтология).

Пример (1б) *Учитель: Если бы ответов никаких не было бы дано, как пришлось бы решать эту задачу? У нас есть варианты ответов. Так, Лиз, предлагай нам.*

Ученица: /?/Угол АФС на 22 градуса меньше. Можно узнать...Можно...